КАК ВЫРАСТИТЬ ЗРИТЕЛЯ

МАЛЫШУ нужна сказка. подростку — друг, юноше, вступающему в жизнь, — целый мир. Так сказал большой педагог и знаток детских душ В. Сухомлинский. Деление, конечно же, условное. Есть вполне солидные люди, которые всем другим жанрам до глубокой старости предпочитают сказки, и есть серьезные малыши, им уже в возрасте «Чебурашки» необходим друг. Но в таких случаях речь идет о пристрастиях, а сегодня хочется повести разговор о стремлениях наших детей и еще о том, как откликается на них один из главных культурных центров края — драматический театр имени М. Ю. Лермонтова. Благо, прошедшая недавно Всесоюзная неделя «Театр — детям и юношеству» дала немало оснований для размышлений.

Задумывались ли вы когда-нибудь, почему наши все знающие дети-акселераты так любят сказку? Конечно, за увлекательность, яркий язык, но мне кажется, есть в этой привязанности и более серьезные вещи. Сказку любят за торжество невозможного и необычного над привычным и обыденным. В наш сугубо практичный век мы просто обязаны сохранить в детях эту веру. Театр, как никакое другое искусство, обладает замечательной способностью оживлять сказку. Но в зависимости от того, как прикасаются к ней, бережно, уважительно или высокомерно, снисходительно, складывается и ее собственный характер, и характер зрительского восприятия.

Два детских спектакля «Кот в сапогах» С. Прокофьевой, Г. Сапгир и «Царевна-лягушка» Н. Гернет, вышедшие сравнительно недавно, казалось бы, совсем разные. В одном нашли отражение русские народные мотивы, другой уводит в мир волшебника Шарля Перро. Соответственно разнятся постановочные принципы и оформление работ. В «Царевне-лягушке» действие ведут жизнерадостные скоморохи В. Сажин и Б. Щербаков. «Кот в сапогах» поставлен в предельной близости к тексту. В первом то и дело въезжают-выезжают декорации на колесиках, во втором оформление подчеркнуто статично. Однако, несмотря на всю непохожесть, к исходу спектаклей является одно и то же чувство, ошибиться в котором трудно. От назойливых скоморохов и стука театральной «узкоколейки» устаешь так же, как от до печали знакомых выходов Кота.

Впрочем, сказать то же самое обо всех актерских работах было бы несправедливо. Даже в этих спектаклях встречались настоящие находки. Такие, как роль Бабы-Яги Л. Ковалец в «Царевне-лягушке». Хитрая, наивная и несчастная одновременно, Яга появляется на сцене всего на несколько минут, но даже за это время становится зрителю симпатичной.

Глубокий, неподдельный интерес царил в зале и во время нового спектакля краевого драматического театра «Сестра моя — Русалочка», поставленного по мотивам сказки Г.-Х. Андерсена. Драматург Л. Разумовская по известному с детства сюжету написала умную и тонкую пьесу, а режиссер В. Бирюков постарался передать то щемяще-светлое ощущение, которое оставляет, пожалуй, самая трагическая из легенд Великого Сказочника.

Спектакль очень красив. В голубом подводном мире (художник А. Иванов) скользят изящные пышноволосые русалки. Красота внешняя — здесь не напоказ. Это выражение того высокого и замечательного, что происходит в спектакле, где возвращается первоначальный смысл таким понятиям, как благородство, верность, добро, жертвенность.

Убедительность и серьезность действию придает эмоциональная игра актрисы Н. Архиповой в роли Русалочки.

В этой романтической легенде в отличие от многих других работ театра есть движение, взволнованность, целостность всех изобразительных средств. Но самое основное — живая жизнь, которая захватывает зрителя, рождая ответное доверие и понимание.

Новая работа — показатель того, как быстро откликается зритель на искреннее искусство. В таких случаях театр для подростка не нечто чуждое, отделенное от него тяжелым занавесом, а умный друг, который помогает ответить на вопросы исходные: что есть великодушие, счастье, благородство.

Добрые контакты могли бы получить развитие при встрече с другой работой, «взрослой» сказкой «До третьих петухов» В. Шукшина. На таком материале юноше, вступающему в жизнь, казалось бы, только учиться культуре чувств и культуре отношений, умению принимать решения, как жить. Но...

Во время одной из бесед с учащимися ПТУ, на которой пришлось мне присутствовать, ребята искренне признались, что больше всего в спектакле им понравились и запомнились современные «рок-танцы», как они выразились, «в исполнении чертей». Что это, эстетическая неразвитость? Думаю, нет. Оценка достаточно точна. Дело в том, что и впрямь (в первых спектаклях — в большей мере, сейчас, после внесенных коррективов — в меньшей) чертячьих пляски — наиболее впечатляющее зрелище и самая яркая режиссерская находка. Все остальное — «семь кругов адовых», пройденных Иваном в поисках дурацкой справки, что он не дурак, потонуло в металлургическом неистовстве «чертей». Главная, большая для самого писателя мысль о том, как трудно порой человеку честным путем прийти к признанию, похоже, полностью прошла мимо режиссера-постановщика.

Герой большинства народных сказок Иван, как бы явившийся из прошлого, мог стать прозорливым критиком современности, как замыслил это В. Шукшин, но так и остался на уровне непроясненности.

Спектакль, лишенный своего болевого стержня — мысли, утратил основную пружину действия, а вместе с тем и темп, ритм. Выстроенные фантазией художника-постановщика Л. Черного домики сказочных героев — книги — превратились в карточные, такими же карточными оказались и страсти.

В разговоре о репертуаре «Театр — детям и юношеству» получилось так, что основное внимание мы сосредоточили на разборе сказок. Об отношении к этому жанру и его перспективам говорилось достаточно. Вот почему, как мне кажется, пришла пора задуматься, можно ли считать нормальной ситуацию, когда из шести назва-

ний репертуара недели для детей и юношества — четыре сказки. Не идет ли эксплуатация внешне выигрышного и не требующего особых затрат драматургического материала?

Беспокоит и другое. Многочисленная и, пожалуй, наиболее сложная категория зрителей — подростки — почти выпала из сферы забот театра. Даже своей удачей «Сестра моя — Русалочка», думаю, не восполняет этот дефицит. А ведь именно в таком возрасте дети особенно нуждаются во внимании к их внутреннему миру. В это время закладываются основные нравственные принципы и критерии, характер. И юноша, вступающий в жизнь, вряд ли найдет в афише острый, умный спектакль, где ставятся вопросы о жизни молодежи конца восьмидесятых годов, ее проблемах, поисках. А ведь они были. «Диск-жокей», поставленный режиссером В. Черняевым, — когда театр вел с молодежью серьезный разговор о социальном значении современной музыки. Еще раньше — «Остановите Малахова!» — резкая, острая, разоблачительная публицистика. Сейчас в репертуаре для старшеклассников числится спектакль «Вся надежда» по пьесе М. Рошина. На одном из обсуждений сразу после выпуска этой работы школьники-десятиклассники заявили, что такими, как в этой постановке, молодые люди были восемьдесят лет назад. Спектакль устарел, едва получив жизнь.

Поиск современного репертуара — одна из больных тем Ставропольского драматического театра. Но, думается, что не менее важно больше заботиться о качестве спектаклей, адресованных юному зрителю, полнее учитывать возрастные особенности аудитории. А то ведь в течение многих лет спектаклей для малышей в театре оказывается густо, а для молодежи — пусто.

Как ни печально констатировать, но все более пустеет и зал. На ином спектакле зрителей (если они не организованы заранее) оказывается чуть больше, чем артистов на сцене.

Было бы верхом несправедливости утверждать, что театр не занимает вопрос контакта с подрастающим поколением. Скорее наоборот. По методу Липецкого драматического театра здесь выработана целая система воспитания юного зрителя. В течение многих лет действует «Клуб любителей театра», работает общегородской факультатив «Основы театрального искусства». По договору со средней школой № 5 ребята проходят практику в цехах краевого драматического. Ежемесячно проводятся Дни театра для учащихся профессионально-технических училищ. Иными словами, подготовка зрителя к встрече с искусством ведется. Но последнее заключительное слово в складывающихся отношениях остается за спектаклем. Или театр захватит, потрясет, или оттолкнет. И никакие общественные мероприятия, уговоры, убеждения в таких случаях не заставят поверить юного зрителя, что театр — это прекрасно.

Сейчас, когда сама идея стабильного театра дискутируется, а основная ставка делается на самокупаемость, воспитание юного зрителя настоящим, серьезным искусством — путь и многотрудный, и не сулящий скорых лавров. Но это честный и благородный путь.

Т. КУЛИКОВА.
Корр. «Ставропольской правды».